Андрей Коровёнков

г. Домодедово

Старая гвардия

Давно далёкий зов трубы
Не беспокоил слуха...
Кого-то заедает быт,
Кого-то с нами нет.
И пусть крепки мы, как дубы,
Костлявая старуха
За нами исподволь следит
Уже немало лет.

Куда уж нам до молодых,
Для них – везде дорога.
А нам, как водится, почёт
И пенсионный стаж.
Нас, постаревших и седых,
Но юных – очень много.
Вести потерям горьким счёт –
Удел совсем не наш.

И пусть твердят, что вышел срок,
Давно пора смириться,
Мол, шли бы доживать деньки
В ночные сторожа,
Что, мол, не порох, а песок
У нас в пороховницах,
И сабель острые клинки
До дыр проела ржа...

Бываем мы в речах грубы,
Но честь для нас – в законе.
Прожить и выжить на земле –
Не поле перейти...
Звучит далёкий зов трубы,
И застоялись кони...
А старой гвардии в седле
Замены не найти!..

О пропавших без вести на полях сражений...

Мой дед не возвратился с той войны:
Не числится в живых, нет в списках павших...
Их множество, защитников страны,
Попавших в списки без вести пропавших.

Их ждали... Ждали, веря, что придут,
Хоть весточку пришлют, хотя б полслова!
Быть может, и сейчас ещё их ждут
И до последних дней их ждать готовы.

А сколько их, не найденных, лежит
В могилах братских – позабытых, тесных...
Мы говорим: «Их подвиг не забыт».
Но имена их часто неизвестны.

Час до рассвета

Час до рассвета.
Три до подъёма.
Пять до начала рабочего дня.
Всё ещё лето.
Я ещё дома.
Дома? Я там, где давно нет меня...

В окна вагона –
Залпы шрапнели:
Ветер горстями швыряет песок.
Снова погоны.
Снова в шинели.
Пусть и во сне, но опять – на восток.

«Разве такое, –
Шепчет сознанье. –
Может быть в жизни? В отставке! Давно».
Только в покое
Воспоминанья
Не оставляют. И крутят кино,

Старую ленту.
Чаще и чаще.
Знаю до кадра её, наизусть.
Без сантиментов:
И в настоящем
Я – тот же самый. Стал старше?
И пусть.

Возраст – не бремя.
Веха... Замета...
Годы подобны столбам верстовым...
Лучшее время –
Час до рассвета.
Время раздумий и встречи с былым.